

Юмор
летит

Короткие

смешные

рассказы

© неужли

2

Юмор лечит

Николай Виноградов

**Короткие смешные
рассказы о жизни 2**

«Крафтовая литература»

2021

Виноградов Н. Ю.

Короткие смешные рассказы о жизни 2 / Н. Ю. Виноградов —
«Крафтовая литература», 2021 — (Юмор лечит)

Жизненные веселые истории о людях, дружбе, курьезах, что случаются время от времени с каждым, об ушедшей эпохе, семейных ценностях и человеческом счастье.

Содержание

Раиса Снапковская	6
Николай Виноградов	9
Светлана Беляева	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Короткие смешные рассказы о жизни 2

Сборник

В рамках проекта «Юмор лечит»
Выпуск 2

Авторы: Раиса Снапковская, Николай Виноградов, Светлана Беляева, Любовь Шубная,
Андрей Макаров, Игорь Кощев, Дарья Татарчук, Эдуард Нейбург

Редактор Дина Рубанёнок

Издательство Крафтовая литература
Год 2021

* * *

Раиса Снапковская

Пароль – «Мама»

Как всегда, засиделись, вернее заговорились с подругой допоздна. Часы показывали 23.00.

– Провожу тебя немного, – предложила подруга, и я обрадовалась: пока идем до половины пути к моему дому, можно пообщаться еще несколько минут.

Вышли во двор. Было светло, потому что июнь и потому что ночи в это время года светлые.

У соседнего дома копошились люди, слышалась какая-то возня. Парень поддерживал тоненькую девушку, помогая ей влезть на огромный, толстый тополь. В руке у девушки – длинная веревка.

Мы невольно притормозили. Навстречу шли три парня с гитарой, они тоже остановились, не поняв, что происходит.

– Такая девушка красивая! Зачем веревка? Неужели жизнь надоела? – весело поинтересовался один из ребят.

– Вовка, вот они нам и помогут! – обрадовалась девушка, спрыгивая на землю.

Парни опешили.

– Ребята! Надо веревку завязать повыше. Понимаете, у мамы завтра день рождения!

Парни не понимали.

– Маринка, погоди, – остановил напарник. – У нашей мамы завтра день рождения. Она утром здесь на работу пойдет – а тут поздравление висит! С фотографией. Понимаете?

– Так бы и сказали, что у мамы. Пацаны, давай!

Они дружно оттеснили девушку, взяли у нее веревку, прикинули, как лучше залезть и повыше привязать.

– Хулиганничаете? – раздалось с балкона третьего этажа. – Ну-ка отседа! Милицию вызову!

– Тетенька, помолчите. Не хулиганим мы вовсе, – негромко ответили снизу.

На крик с балкона распахнулось окно на первом этаже, появилась бритая голова и голый торс крепкого и крепко поддатого амбала.

– Чего тут? – свирепо спросил он. – Как выйду щ-щ-а-а!!!

– Дяденька, пожалуйста, тише, – попросила девушка.

– Мужик, не кричи. Мы поздравление повесим и сразу уйдем. У мамы день рождения, – поддержал один из парней.

– У мамы? – переспросил амбал. – Тогда другое дело. Помочь?

Вскоре он стоял рядом в экзотических шортах с зелеными пальмами и красными обезьянами, в утепленных зимних ботах «прощай молодость». На довольно внушительном бицепсе красовался наколотый якорь.

Посмотрел вверх, зычно крикнул в открытое окно своей квартиры:

– Пуся! Пу-ся! Стремянку тащи! Мухой! Из кладовки.

Лысый решил лезть сам, да никто и не был против. Он повесил на шею веревку, приказал парням поддерживать стремянку, не торопясь взобрался на верхнюю ступень, и тут его осветили фары въехавшего во двор милицейского уазика.

– Ага, попались! Так вам и надо. Арестуйте их! – крикнула тетка с третьего этажа.

Из машины вышли два милиционера.

– Нарушаем? – спросил толстый и низкий, наверное главный. – Расходимся, товарищи! Давай вниз, – махнул лысому в шортах.

– Гражданин начальник, а че мы делаем-то? – возмутился тот. – У её мамы день рождения. И все.

– Разрешение есть? Не понял, – удивился милиционер.

– Какое разрешение? Мама у них завтра именинница!

Толстый подумал, посмотрел вокруг.

– У мамы, говоришь?

– Ну да, у мамы.

Объяснила девушка все, с самого начала.

Милиционеры внимательно выслушали, и главный махнул лысому снова:

– Слазь! – потом огляделся еще раз и уточнил у девушки: – Мама из какого окна будет сюда смотреть?

– Она не будет из окна, она на работу пойдет утром. По тротуару, – пояснила та.

– Так... так... так... На работу... По тротуару. На дереве ветки мешают, плохо видно... Значит, так! Будем привязывать не здесь! Надо над дорогой, виднее будет. Правильно я говорю?

– Да, конечно. Над дорогой оно лучше, оно виднее, – согласились сразу все. – Только как?

– Будем думать.

– Нечего думать! – раздалось с третьего этажа. – Привязать за балкон Спицыных, а потом через тротуар протянуть и за мой.

– За ваш, гражданка, высоко. Вы на третьем. Надо за второй, чтоб и видно было, и проходим не мешало, – не согласились милиционеры.

– Так я сбегаю на второй? Они, правда, спят... наверное. Но ничего, разбудим, поднимем. У мамы ведь день рождения.

Амбал тем временем сполз со стремянки и уже прикидывал, достать ли с нее до балкона. Получалось, не достать. Тогда он засунул в рот два пальца и оглушительно свистнул, потом крикнул на весь двор:

– Саня!!! Са-нек! Выйди!

Подождал немного и заорал уже во весь голос:

– Саня! (пи-пи-пи...) блин! Тебя или нет зову??? (пи-пи-пи...)

– Ты давай поаккуратней, а то проедем сейчас за нарушение и непристойные выражения, – сказал главный милиционер.

– Что проедем-то сразу? Санек – он по-другому долго будет понимать, не услышит даже, – огрызнулся амбал. – У самого ведь тоже мамка есть, припугиваешь тута...

На балконе второго этажа появился заспанный дядька в семейных трусах, похоже только что из кровати, и, увидев внизу парней и милицию, немного растерялся.

– Ты это, Санек, лови веревку и вяжи покрепче, – распорядился лысый. – Давай-давай. Пошевеливайся! У мамы день рождения, милиция разрешает, да? – обернулся к уазику.

– Да, разрешаем. Гражданин, и вы разрешите за перила вашего балкона привязать веревку? – попросил главный милиционер.

Гражданин молча закивал, поймал на лету конец веревки и быстро привязал его к стойке.

– Свободен. Спать иди! – разрешил амбал.

– А это... – не уходил Санек, – не понял я... а мама-то где?

– Мама будет утром. Спокойной ночи! – сказал лысый.

Из подъезда вышла тетка, которая вызвала милицию и давала советы с третьего этажа.

– Товарищ дорогой, уважаемый милиционер! Сейчас Илюха выйдет. Он на работу одевается. В ночную ему.

– Какой еще Илюха? – не понял никто.

– Дак Илюха-то, сосед мой он, подо мной живет. На работу ему, говорю, в ночь.

– Ну и что?

– Не понимаете, чо ли? Его балкон вот. Туда надо вязать второй-то конец веревки, – пояснила тетка.

Появился ничего не понимающий Илюха с тормозком в руке.

– У мамы, у еёной, – лысый кивнул на девчонку, – день рожденья. Дуй обратно, на балкон. Вяжи веревку. Срочно! Милиция «за»! Да?

– Да! – сказал главный.

– Если у мамы, то конечно. Но мне на работу, на автобус опоздаю, – забеспокоился Илюха. – А мама-то где? Ничего не понял.

– Мама завтра пойдет на работу. Утром. Здесь. Под твоим балконом, – объяснил милиционер. – Здесь, под твоим балконом, будет висеть ей поздравление. С днем рождения. Маме! Понятно?

– Маме. Здесь. Понял. Но мне на автобус.

– Иди вяжи, твою... Не разговаривай тут! – заорал амбал. – На работу милиция доставит. Им все равно, куда ехать.

– Подвезем, конечно, – согласились милиционеры. – А ты опять? С нами хочешь прокатиться?

Лысый притих. Илюха побежал в подъезд, быстро появился на балконе, поймал брошенную веревку, привязал за перила.

Над тротуаром раскрутился рулон баннера. С фотографии улыбалась молодая красивая женщина с распущенными волосами. Ниже яркие буквы «С днем рожденья, мама!» и вокруг по всему полю белые ромашки.

Все замолчали, разглядывая баннер. Потом взглянули на девушку с парнем.

– Молодцы! – сказал лысый, забирая стремянку. – Я, это, спать еще долго не буду, постою, чтоб не оборвали. Если что – выйду, мало не покажется!

– И я тоже, – встряла тетка с третьего этажа, – у меня вообще по ночам бессонница.

– И мы ночью проедем, проверим, – пообещали милиционеры.

– Спасибо вам всем. Большое спасибо, – поблагодарила девушка.

– Да ладно, какие могут быть благодарности, – перебил лысый. – День рождения же. У мамы. О чем речь? – обернулся к соседнему дому: – Илюха! Бегом! Менты... блин... милиция ждет!

– Ты опять? – перебил главный.

– Ой, да ладно. Ради мамы же все. У самого тоже такая же мама есть.

– Да, пора и нам, – улыбнулись милиционеры.

Девушка с парнем уехали на черной машине. Мелькнул синим огоньком на крыше милицейский уазик, разошлись тетка и парни.

Был июнь. Было не темно, потому что ночи в июне светлые.

Над тротуаром висел огромный красочный баннер, где-то спала замечательная, красивая и счастливая мама, вырастившая прекрасных детей.

С днем рождения, мама!

Николай Виноградов Загрёба

В цеху по производству приемников нас, радиорегулировщиков, было всего шесть человек. Бригада сложилась дружная и, как говорится, спетая и спитая. Мужики разного возраста частенько культурненько обмывали премии после работы в ближайшем лесопарке. И был среди нас самый зрелый и умудренный опытом жизни – маленький, полненький, уже плешивенький мужичок за пятьдесят, Борис Федорович, по псевдониму Загрёба. Еще задолго до моего появления в этом цеху он с гордостью носил это погоняло. Получил его заслуженно, за сидящую в крови привычку уносить с завода домой что-нибудь общегосударственное, считая это собственным. С девизом «Не пойманный – не вор!» каждый день, пряча себе в трусы какие-нибудь радиодетали, винтики с гаечками и прочее, он любил приговаривать: «Не можешь – не воруй! Воруй – не попадайся!»

– Молодые вы еще, жизни не нюхивали, а потому и дураки набитые! Придет, например, к тебе сосед, шуруп какой попросить, а у тебя, хозяина хренова, даже гвоздя гнutoго нет, – читал он нам свои наставления во время очередных пьянок на природе.

– Что, у меня квартира-то складом крепежа для соседей должна быть, по-твоему? – отвечал кто-нибудь, явно ставя под сомнение авторитет старшего по возрасту.

– У хорошего хозяина в квартире все должно быть: от гвоздя до логарифмической линейки. Бестолочь! Каждую ржавую шайбу, что на дороге валяется, надо подбирать и в дом нести – рано или поздно придет и в ней нужда, – продолжал гнуть свое учитель и наставник. – А с завода домой ничего не принести – вообще грех великий! Все везде колхозное, а значит, все мое! – убеждал он нас, набив полный рот закусью. – У меня жена на мясокомбинате пятнадцать лет в колбасном цеху работает. У них там тоже на проходных шмонают, но она каждый день в лифчике по кило фаршу, да еще и в трусах по паре кило колбасы протаскивает. Свеженькая! Не та синюшная, что вы по два двадцать в очереди в драку-собаку берете, которая за неделю пять раз в магазине замораживалась и шесть раз оттаивала в антисанитарных условиях.

– Ничего себе, свеженькая! Представляю размер трусов и лифчика у твоей жены. Е-мое, уж не этой ли свеженькой мы сейчас закусьваем? А? Загрёба? Ты что, отравить всех нас хочешь? – возмущался наш коллега, главный спорщик Сергей.

– Дурында ты, а еще интеллигента из себя корчишь! Она ж моется после этого несколько раз, варится в кипятке, а потом еще и на сковородке жарится. Гляди-ка ты на него, морду от докторской воротит! – всерьез обижался Загрёба. – Голодным, видать, никогда не бывал. Не хочешь – вон, сбегай, купи себе ливерной, если денег хватит.

– Да я лучше вот этим лопухом сейчас занюхну. Оба вы с женой – две Загрёбы!

Но в остальном наш коллега как мужик, как работник и как товарищ был вполне нормальным. Во всяком случае, вполне удовлетворял всем требованиям члена бригады. Никогда не возмущался, если была необходимость поработать сверхурочно, не лизал задницу начальству, всегда отзывался на помощь, когда был востребован его опыт регулировщика. Ну несун, да! Есть такой грех. Но ведь помаленьку ворует, а не охапками. Мы даже иногда помогали ему протаскивать через проходную что-то объемное, выпячивающееся из-под его одежды. Завод считался военным, выпускал высокоточные резисторы, какие-то секретные приборы и еще что-то, поэтому охранники на проходных могли тщательно обыскать любого работника. Обычно ощупывали выборочно, через одного или по фейсконтролю, когда чье-то хитромордастое лицо не внушало доверия охраннику. Кто-нибудь из наших шел впереди и отвлекал внимание охранника.

Обычно эту роль брал на себя нагловатый по характеру, тот самый великий спорщик Серега, по псевдониму Сырожа. Он вылуплял свое гневное выражение лица на охранника и орал: «Ну че? Харя моя не нравится? Обшмонать хочешь? Ну на! На, шмонай!» – Серега усердно выворачивал свои пустые карманы и расстегивал пуговицы на одежде. Охранник махал на него рукой, показывая знак проходить. Пока ошарашенный секьюрити очухивался и приходил в себя от такой наглости, через вертушку успевали проскочить четыре-пять заводских работяг.

Тащил Загреба все подряд, чего у него еще не было в квартире. В те пару дней за месяц, когда не было совершенно ничего нового и более-менее ценного, он чувствовал себя обиженным на судьбу, считая эти дни без толку пролетевшими мимо жизни.

В обед он обычно уходил на разведку по чужим цехам, проводя рекогносцировку, замечая, что и где плохо лежит. Воспитывать в духе строителя коммунизма его было уже поздно, хотя такие попытки с нашей стороны предпринимались довольно часто.

В один из таких горестных дней после хождения на разведку в цех гальваники он сообщил нам о химическом чуде – какой-то концентрированной кислоте.

– Представляете, горе-то какое! Уборщица, девчушка еще совсем, решила унитазы в туалетах от желтизны этой кислотой отчистить. Почерпнула из гальванической ванны полведра, притащила на второй этаж к своим туалетам и только было собралась работать, как дно у ведра бац – и отвалилось, – возбужденно, заговорщицким тоном рассказывал Борис Федорович, пылко оглаживая свою плешку. – Все ляжки себе молодые испортила, в больницу увезли, бедную. Все теперь, аля-улю! Кто ее с такими ляжками замуж-то возьмет?

Загреба не мог успокоиться после этого случая. Все строил планы, как добыть и вынести этой кислоты условно честным способом, рассекречивая нам свои планы на предмет их совместного обсуждения для поиска наименьшего риска.

– Ты что, совсем больной на голову стал? На кой тебе дома эта гадость? Только ее у тебя для полного счастья не хватает! – стали мы выговаривать ему свой протест. – Давай кончай-ка ты с этим делом, по-дружески предупреждаем! А может, ты преступление какое готовишь? – больше всех распалялся Серега, имеющий хорошую практику вылуплять глаза на своих оппонентов. – Может, ты своему вредному соседу, который каждый день шурупы у тебя просит, в морду хочешь этой отравой плеснуть? – выдумывал и приписывал он Загребе для разнообразия жуткие варианты преступлений. – Может, ты притворяешься тут перед нами хорошеньким-то, а сам террорист поганый? Давайте, мужики, сдадим его охране! Пусть в тюрьме посидит годика три. Может, одумается.

– Ты что, Сырожа? Как ты мог обо мне так плохо подумать? Мы ж с тобой больше пяти лет знакомы! – испуганно лепетал в ответ пузатенький мужичок. – Понял я все! Действительно, зачем мне эта гадость?

Сказать-то он сказал, да только никто ему уже не верил. И решили мы проучить Загребу, чтоб на всю оставшуюся жизнь отбить у него эту пагубную страсть. Идея была моя, но как разыграть Загребу, чтобы у него не было ни тени сомнения? Это мог сделать только наш артист Сырожа. Ему все верили, хотя он уже по сто раз обманывал каждого из нас, глядя прямо в глаза с таким выражением лица, что никто не смог бы даже усомниться в его искренности. Умение красиво и правдиво врать – это талант, который он выработал за время жизни, постоянно тренируясь на своих друзьях.

– Слышь, Загреба, у тебя резиновой перчатки нет случайно? – подкатил как-то однажды к несуну Серега.

– Есть вроде, сейчас посмотрю! А тебе зачем? – сразу забежали глазенки у загребушего коlobка.

– Да вот, клея надо налить! – как бы нехотя, с задумчивостью на лице, проговорил артист. – Кореш один, слесарь с пластавтоматов, посоветовал кухонную табуретку ихним клеем склеить, а то у меня вся расшаталась.

– Что, такой хороший клей? – хитро улыбаясь, начал выпытывать у него подробности плешивый метр с кепкой.

– Ты че, все клеит! Пятнадцать минут – и готово! Намертво! Даже железяки клеит, – понесло Серегу вживаться в роль. – Рассказывал, что кто-то у них губки тисков этим клеем намазал и закрутил. Все, кабздец, тиски в металлолом выкинули, разжать не смогли, – правдиво врал он сивым меринком. – А еще, говорит, позавчера у них два лома нечаянно крест-накрест намертво склеились.

– Как это – нечаянно? – аж пританцовывая на месте от любопытства, спрашивал Загреба.

– Да вот, кто-то там лом на пол бросил, а на него пару капель этого клея пролилось. Потом сверху второй лом шваркнули, – с серьезной миной сочинял мастер фантастических сюжетов по ходу пьесы. – На следующее утро пришли, а ломы так буквой «х» склеились, что кувалдами полчаса со всей дури целым персоналом колдыбашили. Все ломы буквой «зю» изогнули, а разбить не смогли. Автогеном пришлось.

– Эх, ай-яй! Классно! – восхищался доверчивый воришка. – Слышь, Сыроженька, у меня тоже дома все табуретки расшатались. И столы со шкафами – все ходуном что-то ходить стало, – заискивающе улыбался он, предвкушая возможность получить очередной кусочек счастья. – А не мог бы он и мне маленько отлить? Литра два-три хотя бы?

– Ха! Куда тебе столько? На две жизни хватит! – добродушно засмеялся артист, почувствовав, что сыгранная роль почти удалась. – Его на табуретку надо-то всего со спичечную головку. Не-е, стока не даст! Ты че каким беззастенчивым стал?

– Ну ладно, ладно, сколько даст, че уж тут! На вот тебе две перчатки! Я вынесу, а потом отолью тебе сколько надо. У меня дома как раз пузырек из-под валидола пустой валяется.

– Ага, лады! А как выносить будешь? – активно интересовался подробностями Серега для детального планирования будущей авантюры.

– На этот счет можешь не беспокоиться! У меня на всех трусах с внутренней стороны карманы имеются – жена нашила. Главное, надо через проходнушку в самый час пик идти, когда вся толпа ломиться будет. Они в это время меньше шмонают. Ты впереди, я за тобой, как всегда, – быстренько набросал стратегию и тактику опытный мошенник. – Надо же – пятнадцать минут! Ломы склеивает! Вот это клей!

Была уже середина осени, почти каждый день шли дожди. Мы поменялись с Серегой зонтами, я отдал ему свой, с острым наконечником. В проходной, как всегда, была толкучка – задние напирали трудовыми мозолями на передних, те упирались животами в застопоренную вахтером вертушку. Серега улучил момент и как бы ненароком ткнул Загребу прямо в пах острием моего зонтика.

– А-ай, Сыроженька! – Борис Федорович вскрикнул так, словно его проткнули насквозь в самом жизненно ценном месте. А когда вдобавок его сильно прижали к вертушке, и в паху у него что-то с треском лопнуло, на лице бедолаги Серега впервые в жизни увидел настоящий ужас. Но Загреба, понимая, что на кону практически стоит его судьба, смог быстро взять себя в руки и сразу взглянул на часы. Пошел отсчет времени! Когда вышел из проходной наш шестой, Федорович взмолился:

– Все, братишки, жить мне осталось всего... двенадцать минут! Спасите ради бога! Че делать-то, куда бежать? Господи, за что? – чуть не плача, растерявшись, заголосил Загреба.

– Надо добежать до ближайшего подъезда. Может, еще успеем, – скомандовал Серега, едва сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха. Со спринтерской скоростью мужичок за пятьдесят лидером прибежал к подъезду ближайшей пятиэтажки.

– А-а! Закрыто! Восемь минут осталось. – Он побежал в следующий подъезд, который тоже был закрыт. Только в последнем, четвертом подъезде мы, все промокшие под дождем, встали в кружок, в середине которого быстрее солдата раздевался до гола бедный несун. Словами не передать, это надо было видеть.

– Быстрее, братцы, мне хотя бы дырку оставить для посикать! – умолял нас старший член бригады, полностью разгонишавшийся, стоя босиком на холодном, грязном бетонном полу, переминаясь с ноги на ногу.

Сергея все заранее продумал, помог надеть Загребе на руки резиновые перчатки. «Давай, напяливай, говорю, – приказывал он, – а то и пальцы на руках склеятся». В кармане наготове он держал бритвенный станок. Глядя на посиневшего, дрожавшего всем тщедушным телом, бедного Загребу, стыдливо прикрывавшего худыми, коротенькими ручонками свое скудное хозяйство, обхватив ими свисающий до лобка курдюк, мы уже едва сдерживались, чтобы не расхохотаться.

– Две минуты! А-а! Господи, спаси! – воскликнул наш многострадалец. Он уже сто раз вытер все свои гениталии. В ход пошли трусы, потом майка, уже рвалась на тряпки рубашка, а наготове я держал джемпер, выкидывая на улицу уже испачканное «клеем» рваное нижнее белье.

– Ножницы! Братцы, у кого ножницы есть? – вопрошая, оглядывал он нас с застывшими слезами на глазах. – Я бы хоть волосы там состриг.

– Бритва безопасная не пойдет? – ни разу даже не улыбнувшись, мастерски продолжал играть свою роль Серега. – У меня есть, чисто случайно! Повезло тебе, Федорыч. Дома утром побриться не успел, на работе пришлось. Новая, вчера только купил, «Нева».

– Сыроженька, спаситель ты мой! – Загреба обрил все свое хозяйство под ноль за считанные секунды. – Последняя минута пошла! Братцы, привязать бы как, а?! Лучше... желательно... под углом в сорок пять градусов. Если засохнет, так хоть в таком положении! – с мольбой в голосе запросил он свое последнее желание. – Ломы ведь склеивает, кувалдой не разобьешь! – умолял Загреба, взирая больше на невозмутимого Серегу.

Давясь смехом, в этот момент я готов был запихать в рот джемпер Загребы. У остальных состояние было не лучше. Кто-то, чтобы не прыснуть, закусил свой зонтик, как лошадь удила, кто-то обеими ладошками закрывал себе рот. Я, весь красный от натуги, выпустил из носа предательский пузырь, а на глазах самопроизвольно выкатились слезы.

– А чего я-то сразу? – возмутился Серега на полном серьезе, мысленно представив, как он будет выполнять эту последнюю волю Загребы. – Так и так не успеем, сейчас схватываться уже начнет. Оставь уж как есть, на полшестого, а то сикать неудобно будет! – Поглядев на бригаду впервые за все это время, одарил он нас своей улыбкой. – Вон тетка какая-то без зонта сюда, кажись, бежит. Одень хоть портки, а то, чего доброго, она в обморок упадет!

Одновременно взорвавшись, мы заржали, как жеребцы. Хохот раздавался на весь подъезд. Истерика на максимуме держалась минут пятнадцать. Из квартир первого этажа уже начали высовываться жильцы, угрожая вызвать милицию. Пока мы впопыхах напяливали на нашего героя оставшуюся целой одежонку, он успел надуть прямо в штаны, придав нам этим поступком новый импульс для хохота. Кое-как воткнув обезумевшего Загребу в ботинки на босу ногу, не зашнуровывая, рассовав по карманам плаща его грязные носки, мы волоком вытащили его на улицу.

Дождь продолжал хлестать как из ведра. Не разбирая дороги, прямо по лужам и грязи, мы вели под руки своего вожака к автобусной остановке. Он, бедный, чуть не плача от обиды, еле плюхал без зонта, в брюках с незастегнутой ширинкой, в джемпере, надетом наизнанку. В старомодном плащишке, застегнутом не на те пуговицы, в резиновых перчатках на руках. Широко, как моряк во время шторма, расставляя ноги, он несколько раз терял по дороге застрявший в грязи ботинок. Узнав правду о том, что в резиновой перчатке в его трусах вместо

клея было налито растительное масло, густо подкрашенное чайной заваркой, он уже даже не радовался...

В автобусе на меня напала жуткая икота. Домой пришел весь грязный, промокший, хоть выжимай, с горьким привкусом желчи во рту. Я развалился в душистой ванне, а перед глазами продолжал стоять образ плачущего пожилого человека, когда-то лучшего моего наставника. В душу закрался грешный стыд. «Как же я мог? Это же я... я один во всем виноват. Моя идея была, Серега лишь отлично ее реализовал», – корил я себя весь вечер.

Вспомнилось, как год назад, сразу после техникума, попал я в этот цех совсем зеленым салагой, осциллографом даже нормально пользоваться не умел, паяльник в руках не держал. Борис Федорович за неделю меня, дурня, обучил всем хитростям и премудростям. Работа у нас сдельная – сколько сделаешь, столько и заработаешь. Без него бы я до сих пор, может быть, гроши с копейками получал. Вон батя в карьере на самосвале без выходных пашет, а на целых тридцать рублей меньше меня в дом приносит. «Сволочь я неблагодарная!» – душила проснувшаяся вдруг во мне совесть, не давая покоя всю ночь.

На следующий день на работе все валилось из рук. Похожее состояние было и у остальных свидетелей вчерашней трагикомедии. С хмурыми физиономиями мы старались не встречаться глазами друг с другом. Перед обедом к нам зашел мастер.

– Давайте, мужики, поднажмите! Федорович серьезно заболел, впятером вам теперь придется план гнать. Температура у него под тридцать девять, с подозрением на пневмонию. Зашьемся ведь без Бориса Федоровича, – с тревогой увещевал нас непосредственный начальник. – Никого домой не отпущу, даже не надейтесь! Будете пахать у меня, пока норму не делаете. Иначе в этом месяце вот вам, а не премия будет! – Уходя, индивидуально покрутил он фигой из пальцев перед каждым угрюмым табло.

– Че раскисли-то, как кисейные барышни? – пытался реабилитировать нас Серега, перед концом смены обнаружив в полном составе в курилке. – Жалко стало? Жалко у пчелки, а он сам виноват. Че заслужил, то и получил, и нечего тут. Зато теперь на всю жизнь урок ему будет.

Выйдя с больничного, Борис Федорович около двух недель ни с кем из нас не разговаривал и даже не здоровался. Собраться всей бригадой в первый раз после того кошмарного случая нам снова поспособствовала веская причина для обмывания – очередная месячная премия.

Мы сидели на своем старом месте в лесопарке. Растущий рядом лопух, которым когда-то из принципа грозился занюхнуть великий артист Сырожа, уже порядком завял и покрылся инеем.

Наш Загреба, энергично размахивая бутербродом с родной колбасой в одной руке и огрызком соленого огурца в другой, с животом, забрызганным рассолом, как всегда руководил застольем. Уже без малейшего намека на озлобленность, от души и по-доброму, он взахлеб рассказывал нам о своих ощущениях и чувствах, которые тогда испытывал, помогая себе иногда мимикой физиономии, красной от выпивки. Мы снова громко ржали, как стадо диких мустангов, заливая водкой на дне своих душ остатки греха надсмешания над чужой бедой, свободные и полностью оправданные бескорыстным старшим другом. Еще больше и теснее сплотились дружбой. Работа снова заладилась, и жизнь нашего маленького общества стала еще радостней.

Но эта эйфория продлилась лишь чуть больше месяца. Вскоре Загреба в присутствии всей команды снова попросил Серегу подстраховать его на проходной.

Что поделаешь, эта неизлечимая болезнь уже засела у него в крови и перешла, похоже, на генный уровень. Ладно, хоть не заразной оказалась.

Светлана Беляева

Коты против!

Это предложение показалось мне просто прекрасным. Необходимо донастроить новейшую систему умных домов на кормление домашних животных в отсутствие хозяев. То есть в определенное время автоматически включается голос хозяина, зовущий питомца, холодильник открывается, и оттуда на специальный коврик выскакивает порция еды. Животное питается, уходит, потом робот-пылесос быстро все убирает и дезинфицирует.

Запихнув в сумку-переноску упирающегося Мурзика, запас кошачьей еды на ближайшую неделю, я отправился на работу.

Охранники с подозрением смотрели на сумку с моим серым полосатым котом, но после нескольких звонков руководству нас сфотографировали. Меня – поставив у специальной стены, а пытающегося сбежать Мурзика – в открытой сумке. Выписали пропуски на меня, на кота и проводили на место работы.

Первый день.

Кошачий пропуск лежал на столе у клавиатуры и веселил меня весь следующий день, пока я настраивал холодильник и робот-пылесос. Мурзик же прекрасно освоился и возлежал на умном диване. Ночью, лежа в кровати, я мечтал о том, как всю работу сделаю за два – нет, за полтора дня – получу гонорар и рвану куда-нибудь в Турцию, к теплему морю.

Второй день.

Проблемы начались, когда Мурзик с наглым видом проигнорировал мой зовущий голос, раздающийся с кухни и записанный специально для него.

На кухне голос, управляемый мною с компа, повторял: «Кс-кс-кс, Мурзик, иди есть», – открывалась специальная дверка, еда выдавалась холодильником, а кот спокойно вылизывал шерстку и поглядывал на меня голодными глазами, причем, когда я шел на кухню, Мурзик бежал, путаясь под ногами, всем своим видом показывая, что хочет есть.

Я решил взять его измором: весь день не кормить, тогда как миленький побежит на кухню и слопает то, что ему выдаст холодильник.

Противостояние началось и кончилось моим разгромным поражением. Он не только не бежал на записанный голос, но и категорически отказался есть из автоматического раздатчика. Когда я звал его с кухни сам, он прибежал, скользя от скорости на поворотах, но есть был готов, только если я при нем делал вид, что это мною поставлена еда. В противном случае кошачья лапа подходила к автораздатчику, нюхал и брезгливо отворачивал нос.

Половину ночи, лежа в умной кровати с подогревом и легким укачиванием, я не мог уснуть, размышляя над особенностями интеллекта моего кота, а Мурзик бегал по дому, с голодухи пытаясь поймать несуществующих мышей и игнорируя еду в автоподатчике.

Третий день.

Охранники смотрели на меня с подозрением, когда я после часового отсутствия вернулся на территорию работодателя с кошачьей сумкой, в которой сидел другой кот. Сфотографировали второго кота, выдали на него пропуск, который теперь уже меня совсем не смущал, и пропустили в умный дом.

Мурзик встретил новенького по-хозяйски: выгнув спину, взъерошив шерсть и шипя, но кот, которого я нашел на улице и назвал Васькой, быстро вошел к Мурзику в доверие.

Вид у Васьки был голодный, и я, хваля себя за изобретательность, включил голосовой призыв. Кот резко вскочил, но потом, взглянув на спокойно вылизывающегося Мурзика, улегся обратно, сверля меня голодными глазами.

На кухне история повторилась. Ощущение, что мой кот обучает дворового – есть из раздатчика нельзя, а из рук хозяина можно – было таким сильным, что я вышел и несколько раз обошел вокруг дома, а когда вернулся, еда была нетронутой, а коты разбрелись по дому в поисках мышей.

Всю ночь я ворочался. Укачивание и подогрев кровати совсем не помогали уснуть, бросая меня между сном и явью.

Четвертый день.

Сейчас уже смешно вспоминать, но откуда-то у меня в голове появилась эта мысль:

«Если хочешь, понять, как думает противник, стань им, думай так же, как и он». Почему я решил применить ее к котам – не знаю. Наверное, сказалось нервное напряжение и практически бессонная ночь.

Следующим утром я зашел в гостиную на четвереньках, громко мяукая. Коты смотрели на меня не отрываясь. Для полноты картины не хватало только открытых от удивления ртов. Возникла сюрреалистичная сцена с сидящими на диване котами и ползающим, мяукающим человеком. Через некоторое время они успокоились – как я понял, приняли меня за своего, и начали укладываться. Этого я и ждал! Со своего смартфона я подал команду из кухни с призывом обедать:

– Кс-кс-кс, Мурзик, иди есть, – зазвучала запись, я на четвереньках понесся на кухню, а коты переглянулись и остались спокойно лежать. Мне показалось, что за моей спиной раздавалось мерзкое хихиканье, но я отогнал эту мысль и лег с ними на диван. Я ходил по дому в поисках мышей, снова и снова запускал запись кошачьего призыва с кухни, неся сломя голову на зов, показывая наглым животным пример, и в конце дня, совершенно измочаленный вынужденной дрессировкой самого себя, сдался.

Пятый день.

Я вышел в гостиную. Васька с Мурзиком как ни в чем не бывало лежали на диване. Я привычно включил команду; они, как обычно, не отреагировали. Меня не покидало ощущение, что за моей спиной они переглядываются и хихикают. И тут меня осенило!

Я рванул из дома и вернулся уже вечером. Всю ночь и половину следующего дня я перенастраивал технику. Котов не кормил, и сам не ел, чтобы все сполна прочувствовали муки голода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.